

Глава 23

Вотум недоверия

Шумиха и критика в печати, где усердствовали самые острые публицисты и раздавалось много пронзительных голосов, сопровождались деятельностью нескольких десятков членов палаты общин при довольно угрюмых настроениях части нашего громадного большинства в палате. При таких обстоятельствах партийное правительство легко могло быть свергнуто, если не путём голосования, то той силой общественного мнения, которая заставила Чемберлена отказаться от власти в мае 1940 года. Однако национальное коалиционное правительство, укрепившееся в результате реорганизации, проведенной в феврале, было прочным и непреодолимым как по своей силе, так и единству. Все его главные министры объединились вокруг меня, не имея и мысли, которая не была бы лояльной и здоровой. Казалось, что я сохранил доверие всех тех, кто с полным знанием дела следил за развитием событий и делил ответственность. Никто не колебался. Не было и признака интриги. Мы представляли собой сильную сплоченную группу и могли противостоять любой политической атаке и во имя общего дела пережить любое разочарование.

Мы пережили много неудач и поражений — Малайя, Сингапур, Бирма; проигранная Окинлеком битва в Пустыне; Тобрук, необъясненный и, казалось, необъяснимый; быстрое отступление армии в Пустыне и потеря всех наших завоеваний в Ливии и Киренаике. 400 миль отхода к египетской границе; потеря свыше 50 тысяч солдат убитыми, ранеными и пленными. Мы потеряли большое количество артиллерии, боеприпасов, машин и всякого рода запасов. Мы опять отступили к Мерса-Матруху, к старым позициям, которые мы занимали за два года до этого, однако на этот раз торжествовали Роммель и немцы, настойчиво продвигаясь вперед на захваченных у нас грузовиках, работавших на наших запасах горючего, и во многих случаях они вели огонь нашими же собственными боеприпасами. Всего лишь несколько переходов, еще одна удача — и Муссолини и Роммель вступят вместе в Каир или в его развалины. Все висело на волоске, и после поразительных поражений, которые мы понесли перед лицом действующих неизвестных факторов, кто мог бы предсказать, куда склонится чаша весов?

Положение в парламенте требовало быстрого разрядки обстановки. Однако казалось несколько затруднительным требовать от парламента нового вотума доверия через такое короткое время после вотума, который предшествовал падению Сингапура. Поэтому было очень кстати, когда недовольные члены парламента договорились внести вотум недоверия в порядок дня палаты.

встретились с ними, поскольку * * * пришел в он сам о

25 июня была внесена резолюция, сформулированная следующим образом: «Воздавая должное героизму и стойкости Королевских вооруженных сил в исключительно трудных обстоятельствах, палата не доверяет центральному руководству войной».

Резолюция была внесена от имени влиятельного члена консервативной партии сэра Джона Уордлоу-Милна. Он был председателем влиятельного межпартийного финансового комитета, доклады которого о случаях расточительности и неэффективности административного аппарата я всегда изучал с большим вниманием. Комитет имел в своем распоряжении значительную информацию и обладал многочисленными связями с внешним кругом нашей военной машины. Когда было объявлено также, что резолюция будет поддержана адмиралом флота сэром Роджером Кейсом и бывшим военным министром Хор-Белишей, то сразу стало очевидно, что был брошен серьезный вызов. Действительно, в некоторых газетах и в кулуарах говорили о приближающемся политическом кризисе, который будет решающим.

Я немедленно заявил, что мы предоставим полную возможность для публичного обсуждения, и назначил его на 1 июля.

* * *

Сэр Джон Уордлоу-Милн открыл прения умело составленной речью, в которой он поставил основной вопрос. Эта резолюция «не является атакой против офицеров на фронте. Это определенная атака против центрального руководства здесь, в Лондоне, и я надеюсь показать, что причины нашей неудачи в гораздо большей степени лежат здесь, чем в Ливии или в другом месте. Первая важная ошибка, которую мы сделали во время войны, — это объединение постов премьер-министра и министра обороны». Он распространялся о «громадных обязанностях», возложенных на того, кто занимает эти два поста.

В заключение сэр Джон заявил:

— «Палата должна ясно показать, что мы требуем найти такого человека, который отдал бы все свое время делу победы в войне, нес полную ответственность за все вооруженные силы короны. И когда такой человек будет найден, то пусть палата поддержит его, чтобы он выполнял свою задачу, обладая силой и независимостью».

Резолюцию поддержал сэр Роджер Кейс. Адмирал был обижен отстранением его с поста руководителя десантных операций, а еще больше тем фактом, что я не всегда был в состоянии принимать его советы, когда он занимал этот пост. Но ему мешала в атаке на меня его длительная личная дружба со мной. Он сконцентрировал свою критику главным образом на моих специальных советниках, имея в виду, несомненно, начальников штабов.

По мере того как прения продолжались, критики играли все большую роль. Новый министр производства капитан Оливер Литтлтон, который отвечал на жалобы по поводу нашего снаряжения, пережил бурные минуты во время подробного отчета, который он сделал по этому поводу. Рядовые члены парламента — консерваторы оказали правительству сильную поддержку, в частности убедительную и полезную речь произнес Бутби. Лорд Уинтертон, старейший член палаты, вновь оживил силу атаки и сконцентрировал ее на мне.

Основное обвинение против правительства было суммировано бывшим министром Хор-Белишей.

В заключение своей речи он сказал:

«Мы, возможно, потеряем Египет или, может быть, мы не потеряем Египта — я молю Бога, чтобы мы его не потеряли, — однако, когда премьер-министр, который говорил, что мы удержим Сингапур, что мы удержим Крит, что мы разгромили германскую армию в Ливии, когда я читаю, что он сказал, что мы удержим Египет, моя тревога усиливается... Как можно полагаться на суждения, которые столь последовательно оказывались неправильными? Палата общин должна решить это. Подумайте о том, что поставлено, на карту. За первые 100 дней мы потеряли нашу империю на Дальнем Востоке. Что произойдет в следующие 100 дней? Пусть каждый член палаты голосует в соответствии с тем, что ему подсказывает совесть».

Я выступил после этой сильной речи, закрывая прения. Палата была переполнена. Естественно, я привел все доводы, какие у меня были:

«Эти продолжительные прения достигли сейчас последнего этапа. Какой это был замечательный пример неограниченной свободы наших парламентских институтов во время войны! Все, что можно было придумать или вспомнить, было использовано, чтобы ослабить доверие к правительству, использовано, чтобы доказать, что министры некомпетентны, и ослабить их уверенность в своих силах, чтобы заставить армию не доверять поддержке, которую она получает от гражданских властей, чтобы заставить рабочих потерять доверие к оружию, которое они с таким усердием производят, чтобы изобразить правительство как группу ничтожеств, над которыми возвышается премьер-министр, а затем подорвать его доверие к себе и, если возможно, доверие к нему нации. Все это изливалось по телеграфу и радио во все части света, вызывая горечь у наших друзей и восторг у всех наших врагов. Я сторонник этой свободы, которой не стала бы и не посмела бы воспользоваться никакая другая страна в период такой смертельной опасности, какую мы сейчас переживаем. Но дело этим не кончается, и я сейчас призываю палату общин обеспечить, чтобы оно этим не окончилось».

Военные неудачи последних двух недель в Киренаике и Египте полностью изменили положение не только на этом театре, но на всем

Средиземном море. Мы потеряли больше 50 тысяч солдат, очень большую часть из них пленными, большое количество материалов, и, несмотря на тщательно организованное уничтожение, большие запасы попали в руки врага. Роммель продвинулся почти на 400 миль через Пустыню и теперь приближается к плодотворной дельте Нила. Вредное влияние этих событий в Турции, Испании, Франции и во Французской Северной Африке пока нельзя определить. В настоящий момент мы переживаем невиданный со времени падения Франции упадок наших надежд и перспектив на Среднем Востоке и на Средиземном море. Если бы кто-нибудь захотел извлечь выгоду из катастрофы и считал себя способным нарисовать картину в еще более мрачных красках, то он, конечно, может это сделать.

Мучительная черта этой печальной картины заключается в ее внезапности. Падение Тобрука с гарнизоном около 25 тысяч солдат в течение одного дня было совершенно неожиданным. Этого не ожидали не только палата и широкая публика, но и военный кабинет, начальники штабов и генеральный штаб армии.

Этого также не ожидали генерал Окинлек и высшее командование на Среднем Востоке. Вечером накануне падения Тобрука мы получили телеграмму от генерала Окинлека о том, что он выделил гарнизон, который, по его мнению, является достаточным, что оборонительные сооружения находятся в хорошем состоянии и что войска обеспечены запасами на 90 дней. Была надежда, что мы сможем удерживать очень сильные позиции по линии соприкосновения наших войск с врагом, которые были построены немцами и улучшены нами, — от Эс-Саллума до Халфайского прохода, от Капуццо до Форт-Маддалена. От этих позиций под прямым углом назад проходит наша вновь построенная железная дорога, и мы больше не занимали, как это называют, фланговых позиций, обращенных спиной к морю, как это было на первых этапах новой битвы в Ливии. Генерал Окинлек надеялся удерживать эти позиции до тех пор, пока мощные подкрепления, которые приближались и отчасти прибыли, не позволят ему предпринять гораздо более энергичную попытку захватить инициативу для контрнаступления...

Когда в воскресенье утром 21 июня я вошел в комнату президента, я был очень поражен, получив сообщение о падении Тобрука. Мне трудно было поверить этому сообщению, однако через несколько минут прибыла телеграмма, адресованная мне лично из Лондона. Я надеюсь, палата поймет, какую острую боль это причинило мне. Она была усилена тем, что я в это время выполнял важную миссию в стране, являющейся одним из наших великих союзников.

Иногда люди слишком легко приходят к заключению, что если правительство сохраняет хладнокровие и имеет крепкие нервы при неудачах, то его члены не воспринимают неудачи страны так остро,

как их воспринимают независимые критики. Наоборот, я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь ощущал большее горе или боль, чем те, кто несет ответственность за общее руководство нашими делами. Я был еще более огорчен в следующие дни, когда читал искаженные сообщения о настроениях в Англии и в палате общин. Палата не имеет никакого представления о том, как изображаются ее заседания, по ту сторону океана. Отдельные члены палаты или независимые, которые не представляют никакой организованной группировки политической силы, делают здесь запросы, выступают с комментариями, которые передаются по телеграфу дословно и которые часто совершенно честно воспринимаются как точка зрения палаты общин. Кулуарные сплетни, слухи из курительной комнаты и разговоры на Флит-стрит* превращаются в серьезные статьи, которые показывают, что вся основа английской политической жизни потрясена и колеблется.

Этот парламент несет особую ответственность. Он присутствовал при зарождении бед, которые постигли мир. Палата должна быть постоянным стабилизирующим фактором в государстве, а не орудием, с помощью которого недовольные газеты могут пытаться создавать один кризис за другим. Для того чтобы демократия и парламентские институты восторжествовали в этой войне, абсолютно необходимо, чтобы опирающееся на них правительство имело возможность действовать и рисковать, чтобы слуг короны не изводили придирками и ворчанием, чтобы вражеская пропаганда без нужды не получала пищу из наших собственных рук и чтобы наша репутация не умалялась и не подрывалась во всем мире. И, наоборот, воля всей палаты должна быть проявлена в наиболее важных случаях.

Важно, чтобы не только те, которые выступают с речами, но и те, которые наблюдают, слушают и судят, также считались фактором в мировых делах. В конце концов мы все еще боремся за свою жизнь и за то, что нам дороже самой жизни. Мы не имеем права считать, что победа обеспечена. Она будет обеспечена лишь в том случае, если мы не отступим от своего долга. Трезвая и конструктивная критика, или критика на закрытых заседаниях, имеет свои большие достоинства. Однако долг палаты общин заключается в том, чтобы поддерживать правительство или сменить правительство. Если она не может сменить его, она должна поддерживать его. В военное время нет подходящего среднего курса.

Я не прошу снисхождения ни к себе самому, ни к правительству Его Величества. Я принял посты премьер-министра и министра обороны после того, как всеми силами защищал своего предшественника, и в то время, когда жизнь империи висела на волоске. Я ваш слуга, и вы имеете право уволить меня, когда вам будет угодно. Чего вы не имеете права

* Улица в Лондоне, на которой расположены редакции многих английских газет.

делать — так это просить меня нести ответственность, не имея полномочий для эффективных действий, нести ответственность премьер-министра, но «быть зажатым с каждой стороны сильными людьми», как сказал один уважаемый член палаты. Если сегодня или в любое время в будущем палата прибегнет к своему несомненному праву, я уйду с чистой совестью и с сознанием того, что я выполнил свой долг в меру своих способностей. В этом случае я попрошу вас только об одном: предоставить моему преемнику те скромные полномочия, в которых мне было отказано...

Внесение этого вотума недоверия членами парламента, представляющими все партии, является значительным событием. Я прошу, чтобы палата не допустила недооценки серьезности того, что было сделано. Об этом трубили во всем мире в ущерб нашему престижу, и когда каждая нация, как друзья, так и враги, ждет, чтобы узнать, каково подлинное решение и убеждение палаты общин, то последняя должна идти до конца. Во всем мире, в разных концах Соединенных Штатов, как я это могу засвидетельствовать, в России, в далеком Китае и во всех покоренных странах все наши друзья ждут, чтобы узнать, существует ли в Англии сильное и крепкое правительство и поставлено ли под сомнение национальное руководство Англии или нет. Каждый голос имеет значение. Если число тех, кто напал на нас, будет сведено к такой цифре, которой можно пренебречь и если их вотум недоверия национальному правительству будет превращен в вотум недоверия его авторам, тогда — не заблуждайтесь в этом — радостные возгласы послышатся от каждого друга Англии и каждого верного слуги нашего дела и похоронный звон разочарования прозвучит в ушах тиранов, которых мы стремимся свергнуть».

Палата проголосовала, и резолюция недоверия, внесенная сэром Джоном Уордлоу-Милном, была провалена 475 голосами против 25.